

Мифологемы Невской битвы

© А.Н. Нестеренко

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Нарративное описание Невской битвы в отечественной историографии основывается на источниках, которые содержат логические противоречия и допускают фактологические неточности. Анализ этих источников позволяет подвергнуть сомнению достоверность конвенциональной интерпретации Невской битвы, в результате чего автор приходит к выводу, что Невская битва в большей степени мифологема, чем исторический факт.

Ключевые слова: *Невская битва, Александр Невский, Житие Александра Невского, Новгородская первая летопись, Древняя Русь и Скандинавия в XIII веке, нарратив.*

Невская битва — одно из сакральных событий русской истории. В ее честь князю Александру Ярославичу книжники XVI в. присвоили имя Невский, основываясь на умозрительном предположении, что победа в этом сражении должна была принести ему прижизненную славу. Но если отбросить идеологическую составляющую концепта «Александр Невский» и обратиться к источникам и фактам, то окажется, что Невская битва — событие не просто спорное и противоречивое, но и во многом мифологическое, как и сам образ святого благоверного князя, названного спустя три столетия Невским¹.

Наиболее ранние сведения о Невской битве сохранились в Новгородской первой летописи старшего извода (НПЛ) и агиографическом Житии Александра Невского, первая редакция которого известна по списку Лаврентьевской летописи [1, л. 126–127; 2, л. 168 об–169 об.]². Последнее вторично по отношению к летописному свидетельству: летописцу детали Жития неизвестны, а автор Жития знаком с летописным свидетельством. Некоторые исследователи (Ю.К. Бегунов, Я.С. Лурье) считают, что автор Жития не был знаком с новгородским летописным источником. Так, Ю. Бегунов в качестве обоснования этой гипотезы указывает на то, что Житие опускает ряд фактов биографии Алек-

¹ Прозвище «Невский» за Александром Ярославичем официально закрепляется в «Слове похвальном благоверному великому князю Александру, иже Невский именуется, новому чудотворцу, в нем же и о чудесах его споведается», написанном по указанию митрополита Макария после собора 1547 г. В 1550 г. данная редакция вошла в состав «Великих Миней Четьих». С этого времени Александр Ярославич официально именуется Невским.

² Далее в тексте будет идти речь только о первоначальной редакции Жития по Лаврентьевской летописи.

сандра Ярославича, известных летописцу [3, с. 230]. Но логичнее предположить, что автор Жития использует только те летописные свидетельства, которые важны для его повествования, и игнорирует остальные. В.О. Ключевский пишет, что все подробности Невской битвы «заимствованы почти дословно» автором Жития из летописи [4, т. 4, с. 528].

Поскольку о Невской битве повествует только один уникальный источник, то сообщение о ней нуждается в проверке. В отечественной историографии таких исследований не проводилось.

Одна из особенностей рассказа летописца о Невской битве — большое число фактических ошибок. Чем это объясняется? Д.Г. Линд полагает, что это обусловлено тем, что данное сообщение дошло до нас в редакции 1320–1330 гг., когда многие факты были забыты, а реалии изменились. К примеру, Швеция и Норвегия находились под управлением одного короля. Поэтому летописец и включил в состав шведского войска норвежцев [5, с. 48].

Но вряд ли ошибки летописного свидетельства обусловлены только поздним временем написания. Скорее причина их заключается в том, что рассказ новгородского летописца о Невской битве не основан на фактах и представляет собой художественный вымысел³. Эту гипотезу подтверждает то, что описываемые в НПЛ подвиги Александра на берегах Невы остались незамеченными во Владимире. В погодной записи придворного владимирского летописца о событиях 1240 г. сообщается только о рождении у князя Ярослава Всеволодовича дочери и взятии татарами Киева⁴. Очевидно, что рождение очередного ребенка в княжеской семье событие значимое, но не настолько, чтобы затмить победу старшего сына князя Ярослава Всеволодовича, благодаря которой, если верить НПЛ, была успешно устранена угроза захвата новгородской земли.

Летописное описание Невской битвы начинается с сообщения о составе и численности вражеского войска: «силе великой» шведов («свеев»), норвежцев («муромане») и финнов («емь»). В силу сложившейся в отечественной историографии интерпретации летописного свидетельства будем называть войско трех скандинавских народов, о котором повествует НПЛ, шведским.

По мнению Д.Г. Линда, летописец, сообщая о том, что в составе войска, высадившегося на берегу Невы, были не только шведы, до-

³ Например, Д.Г. Линд сомневается в том, что существовало оригинальное хронологическое описание Невской битвы [5, с. 46].

⁴ «В лето 6748 родися Ярославу дщи и наречена бысть в святомъ крещении Марья. Того же лета взяша Кыевь татарове и святую Софью разграбиша, и манастыри все, и иконы, и кресты честныя, и взя узорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем. Си же злоба приключися до Рождества Господня на Николинь день» [2, л. 164 об.].

пускает ошибку, так как ни норвежцы, ни финны не могли участвовать в этом походе. Норвегия в то время была во враждебных отношениях со Швецией, а норвежский король бросил все имеющиеся силы на подавление восстания одного из герцогов. Также «маловероятно и то, что в шведском войске могли быть тавасты (емь), незадолго перед тем поднявшие восстание против шведов» [5, с. 48].

Сама возможность соединения такого разноплеменного войска для похода на Новгород сомнительна: возникает вопрос о том, как удалось объединить враждующие народы? Собирались ли союзники где-то в одном условленном месте или присоединялись к войску по пути? И, самое главное, почему такая масштабная экспедиция осталась незамеченной в скандинавских источниках, описывающих даже менее значительные события?

Далее НПЛ сообщает о присутствии во вражеском войске князя и епископов, один из которых потом гибнет в схватке, так же как и шведский «воевода Спиридон». Д.Г. Линд считает, что и тут летописец ошибается, так как все семь шведских епископов пережили 1240 г., и ни один из видных представителей шведской аристократии, который мог бы носить звание «воеводы», не умер в 1240 г. [5, с. 47, 53 прим. 18]. Не говоря уже о том, что Спиридон — не характерное для скандинавов имя, и, согласно Житию, именно так звали не шведского воеводу, а новгородского владыку, благословившего Александра перед сражением.

Затем летопись повествует о том, что шведы встали на стоянку, и раскрывает цель их похода: захват Ладоги, водного пути, Новгорода и всей новгородской земли. Это утверждение — ключ к деконструкции летописного сообщения о Невской битве.

Прежде всего нет ответа на вопрос о том, как летописцу стали известны планы захватчиков. Никаких враждебных действий шведы предпринять не успели, а возможно, и вовсе не собирались. Их корабли входят в устье Невы. Но вместо того, чтобы продолжить путь к Ладоге (как это было при первом шведском нападении на новгородские владения в 1164 г.) или Новгороду, названному летописцем в качестве конечной цели данного предприятия, останавливаются на длительную стоянку. Территория, где шведы разбили свой лагерь, Новгороду, видимо, в то время еще фактически не принадлежала. В этих краях проживали новгородские данники ижоры, участники совместных с карелами набегов на Швецию, в результате одного из которых была уничтожена древняя столица Швеции Сигтуна (1187 г.). Ближайшее русское поселение, крепость Орешек, будет основана новгородцами только через 83 года — в 1323 г. В том же году был заключен первый договор, официально устанавливающий границу между новгородскими и шведскими владениями, по которому устье реки Невы стало принадлежать Новгороду.

О неопределенности территориальной принадлежности устья Невы свидетельствует то, что в 1300 г. шведы в тех же местах, где расположился их лагерь в 1240 г., возвели крепость Ландскрону. Со стороны Новгорода не последовало никаких действий с целью помешать им в этом предприятии. Хроника Эрика сообщает о неудачной попытке десятитысячного войска новгородцев воспрепятствовать шведам [6, с. 115–116], но НПЛ об этом походе против шведов на Неву не упоминает. Лишь через год после постройки крепости, когда из-за эпидемии от многочисленного гарнизона в живых осталось несколько человек, новгородцы, не встречая сопротивления, захватили Ландскрону. Но вместо того, чтобы использовать построенную с помощью итальянских инженеров по последнему слову фортификационного искусства крепость, расположенную в стратегически важном месте, позволяющем контролировать водный путь из Балтики в Новгород, уничтожили ее.

Нежелание Новгорода воспользоваться плодами своей победы подтверждает тот факт, что устье Невы в то время еще не было территорией новгородской земли, и новгородцы, видимо, сочли излишним бременем содержать еще одну крепость, кроме Ладоги, на водном пути в Балтийское море. В этой связи следует отметить, что всякий раз, когда возникала угроза вражеского нашествия, новгородцы начинали строительство укреплений. В 1169 г. был возведен острог в связи с походом на Новгород суздальской рати [1, л. 36 об.]. Следующий этап развития обороны города — 1224 г. — вызван бегством в Торжок из Новгорода князя Всеволода Юрьевича, на помощь которому собрались дружины союзников его отца, великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Летопись сообщает не только о возведении острога, но и о том, что новгородцы на дорогах возвели укрепленные заставы («тверди») [1, л. 100 об.]. После этого летопись отмечает строительство фортификационных сооружений только полвека спустя — в 1270 г., во время конфликта Новгорода с братом Александра Невского — тверским князем Ярославом Ярославичем⁵. Следующий раз новгородцы ставят новые остроги в 1316 г., в ожидании нападения тверского князя Михаила Ярославича (сына Ярослава Ярославича)⁶. Таким образом, полтора столетия (с конца XII по начало XIV в.) новгородцы регулярно укрепляли свой город в ожидании нападения русских из «низовых земель», а не шведов или немцев с Запада.

Новгород, в отличие от своих пограничных соседей — Ладоги, Пскова, Изборска, которые обзавелись каменными крепостями уже к началу XI в., приступил к строительству каменных стен своего де-

⁵ «Новгородцы же поставили острог около города...» [1, л. 149].

⁶ «Новгородцы учинили острог около города по обе стороны» [1, л. 160].

тинца только в 1302 г.⁷ Но их сооружение длилось столь неспешно, что растянулось более чем на 100 лет (до 1420–30-х гг.), поскольку было скорее вопросом престижа, а не обеспечения безопасности. В результате, когда каменный детинец достроили, оказалось, что крепость совершенно устарела, так как не приспособлена для размещения появившейся к тому времени на вооружении артиллерии. Поэтому после захвата Новгорода Иван III приказал перестроить крепость в соответствии с актуальными требованиями фортификационного искусства. Для этого, так же как и для строительства Московского Кремля, были приглашены итальянские специалисты. Работы, начатые в 1484 г., закончились уже в 1499 г. Но в этом случае создание современной каменной крепости объясняется не внешней угрозой, а стремлением Москвы создать надежный оплот своей власти на покоренной Новгородской земле. Таким образом, нежелание разместить в захваченной Ландскроне новгородский гарнизон говорит о том, что со стороны Балтики никакой угрозы для Новгорода не было.

Что же касается вопроса обеспечения свободного судоходства по Неве, то в нем в большей степени были заинтересованы ганзейские города, для которых это было одним из важнейших направлений торговли. Известна грамота от 1312 г., в которой от имени шведских правителей ганзейским купцам гарантировалось право свободного прохода по Неве. Это первый дошедший до нас документ, в котором официально признавалась свобода торговли на Неве ганзейских купцов с Новгородом [7, с. 70, прим. 15].

Помимо этого неясно, что же шведы все-таки хотели захватить: всю Новгородскую землю, какую-то ее часть или как получится? Предположение летописца о том, что в планы шведов входил захват всей Новгородской земли, не соответствует фактическим обстоятельствам и военным возможностям Швеции в то время.

Невозможность организации крупных военных походов была обусловлена двумя причинами. Первая — войны Швеции с соседними Данией и Норвегией, мирный договор с которыми был заключен только в 1253 г.⁸ Вторая — дрящущая почти два века гражданская война внутри самой Швеции, начавшаяся вследствие принятия христианства. В результате власть в стране переходила из рук в руки, не передаваясь по наследству. Это каждый раз порождало очередной виток конфликта интересов элит, приводящий к обострению внутриполитической борьбы. В связи с этим С.М. Соловьев отмечает: «Со времен Рюрика шведы не беспокоили русских владений, и было за-

⁷ «Заложили город каменный Новгороду» [1, л. 153 об.].

⁸ На церемонии его подписания, согласно Саге о Хаконе, вместе с Биргером в числе «знатных вождей» присутствовал Андрей Ярославич, брат Александра Невского («Андрес, конунг Суздаля, брат Александра конунга Хольмгарда») [6, с. 72].

мечено, что такую безопасностью северо-западные русские волости были обязаны внутренним волнениям, происходившим в Швеции вследствие принятия христианства, которое повело к разложению древних языческих форм жизни» [8, кн. I, с. 506]. Сага об Эймунде рассказывает о дружине из 600 викингов на службе у Ярослава Мудрого, который был женат на Ингегерде — дочери первого христианского короля Швеции Олафа (правил с 995 по 1022 г.). При нем Швеция потеряла Данию, завоеванную его отцом Эриком VI Победоносным, и восточное побережье Балтики, с которой получала дань [6, с. 89–104].

Борьба за власть враждующих феодальных группировок непрерывно продолжалась до второй половины XIII в., когда трон перешел к Карлу Сверкерссону (1161 г.). При нем усобицы на время прекратились, «вследствие чего шведы получили возможность наступательного движения на соседей» [8, с. 506]. Но после убийства Карла (1167 г.) борьба за шведский престол разгорелась с новой силой. Именно при нем шведы совершили свое первое со времен Рюрика нападение на Русь: в 1164 г. «свеи» пришли под Ладогу. Ладожане подожгли посад и укрылись за каменными стенами кремля, послав за помощью в Новгород. Шведы попытались взять Ладогу приступом, но, понеся значительные потери, отступили к реке Вороной. На пятый день подошли новгородцы с князем и посадником и довершили разгром. По сообщению НПЛ, из 55 судов шведы потеряли 43. Немногим раненым удалось спастись бегством⁹. Скандинавские источники об этих событиях не упоминают. Возможно, их причиной стали участвовавшие набеги из-за моря на шведское побережье. В 1187 г. во время одного из них была уничтожена Сигтуна — древняя столица Швеции. Согласно предположению Е.А. Рызевской, неожиданное нападение на Сигтуну в плохую погоду предполагает хорошее знание водного пути, поэтому возможно, что подобные набеги предпринимались неоднократно [6, с. 111].

Н.М. Карамзин пишет, что в нападении на Сигтуну вместе с карелами и эстонцами участвовали русские. В результате нападения был убит архиепископ Упсальский, а город был опустошен, так что «он навеки утратил свое прежнее цветущее состояние» [9, т. III, с. 85]. Карамзин отмечает то, что летописцы, современники этих событий, о них не упоминают, хотя обычно обстоятельно описывают малейшие

⁹ «Приидоша Свѣя под Ладогу, и пожгоша ладожанѣ хоромы своя, а сами затворишася в городѣ с посадникомъ своимъ Нѣжатою, а по князя послаша и по новгородци. Они же приступиша под городъ въ день суботный и не успѣша нѣчтоже граду, но болшую рану въсприаша; и отступиша в рѣку Вороная. Въ 5 же день потомъ приспѣ князь с новгородци и с посадникомъ Захарьею, и иаворотишася на ня мѣсяца мая въ 28, на память святого Еладиа, в четвертокъ, въ 5 час дни; и побѣдиша божию помощю, овы иссѣкоша, а другыя изимаша: и пришли бяху въ 55 шнекъ, и изымаша 43 шнекъ; а мало их убѣжаша, и тѣ язвени» [1, л. 111].

военные действия. По его мнению, это означает, что участие русских в данном походе было незначительным. Древнейшая шведская Хроника Эрика сообщает о сожжении города язычниками, не конкретизируя их национальной или племенной принадлежности [6, с. 109–110].

Следующая попытка внешней экспансии была предпринята шведами в 1220 г., когда они организовали поход с целью захватить часть Эстонии. По сообщению Генриха Латвийского в книге «Хроника Ливонии», король Швеции Иоанн «с герцогом и епископами своими собрал большое войско и явился в Роталию (Западная Эстония), рассчитывая захватить какую-либо часть Эстонии и господствовать там» [10, с. 210]. При этом шведы заняли замок, в который Папа назначил епископом Германа, брата рижского епископа Альберта. Находясь между владений датчан и ливонской церкви, шведы чувствовали себя в безопасности. Но неожиданно явились эзельцы с большим войском и осадили замок. После того как им удалось поджечь стены, шведы были вынуждены вступить в бой, но не устояли против численно превосходящего противника и были перебиты. Генрих пишет о том, что было убито до пятисот человек и лишь немногим, спасавшимся бегством, удалось добраться до ближайшего датского замка [10, с. 211].

За 20 лет, прошедших после разгрома эстами, военно-экономическое положение Швеции не изменилось настолько, чтобы позволить ей завоевать территорию такого могущественного противника, как Господин Великий Новгород. Об этом свидетельствуют события, последовавшие вскоре после Невской битвы. В 1255 г. шведы, датчане и финны (емь и сумь), объединившись после завершения длительной войны, начали строить город на реке Нарва. Хотя данная территория была пограничной и никаких враждебных действий по отношению к Новгороду скандинавы не предпринимали, новгородцы стали собирать войско, послав во Владимир за подмогой. «Окаянные», узнав об этом, «убежали за море» [1, л. 135].

Хотя причиной того, что шведы отказались от своего замысла построить крепость на Нарве, возможно, была не столько угроза со стороны новгородцев, а конфликт с датчанами, захватившими Северную Эстонию в 1219 г., а также притязания на эти территории со стороны Риги и Тевтонского Ордена [11, п. 6, с. 333].

О слабости Швеции в военном отношении в середине XII в. свидетельствует тот факт, что она не могла осуществить даже крещение соседних финских племен (тавастов или еми). Первая попытка христианизации западных финнов была предпринята шведами в 1157 г. Но внутренние распри не позволили осуществить эту задачу [6, с. 108]. Предпринять очередной поход на тавастов шведы смогли только в 1249 г. [6, с. 107].

Возникает вопрос, почему шведы решились напасть на Новгород, не сумев одержать военной победы над заведомо более слабым противником, таким, как тавасты? Вообще, следует отметить, что никогда в своей истории Швеция не ставила задачу расширить свои границы за счет завоевания русских земель. Даже когда шведам в ходе войны 1614–1617 гг. удалось захватить Новгородскую вотчину, они, предпочтя территориальным приобретениям денежную компенсацию, оставили за собой контроль только над приграничными пунктами (Орешек, Ям, Копорье, Ивангород, Корела), вернув остальные города, включая Новгород и Ладогу.

Главной задачей шведской внешней политики со времен уничтожения Сигтуны была не территориальная экспансия, а обеспечение безопасности побережья Швеции от нападений из-за моря. Решить эту задачу можно было, только установив контроль над устьями Невы и Вуоксы, по которым карелы и новгородцы выходили в Балтику для разбойничьих набегов.

Реальные возможности для того, чтобы укрепиться на восточных берегах Балтики с целью обезопасить свое побережье от набегов, у Швеции появились только в конце XIII в., когда закончились гражданские войны и на троне утвердилась правящая королевская династия. Хроника Эрика так описывает цели этого предприятия: «Пошли они в языческую землю и положили конец злу и великой беде; язычники слишком близко подходили к нам. Это было там главным их делом» [6, с. 112].

Из предпринятых ими попыток основать форпосты в устьях Вуоксы (1293 г.) и Невы (1300 г.) успехом увенчалась только первая. После потери Ландскроны шведы больше не предпринимали попыток создания форпоста на невских берегах. Хотя набеги на Швецию со стороны Руси и ее данников карелов и ижоров в XIV в. прекратились, до начала XVI в. шведы не чувствовали себя защищенными рядом со своим опасным соседом. На это указывает в своем выступлении по случаю заключения Столбовского мирного договора на сейме в 1617 году Король Швеции Густав-Адольф: «Великое благодеяние оказал бог Швеции тем, что русские, с которыми мы исстари жили в неопределенном состоянии и в опасном положении, теперь навеки должны покинуть разбойничье гнездо, из которого прежде так часто нас беспокоили. Русские — опасные соседи; границы земли их простираются до Северного, Каспийского и Черного морей, у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города, они могут выставлять в поле большое войско, а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море. Большие озера — Ладожское и Пейпус, Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отде-

ляют нас от него; у России отнято море, и, бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек» [8, кн. V, с. 90, 91].

Всего со времен Рюрика по 1300 г. новгородская летопись сообщает, кроме Невской битвы, только о четырех столкновениях со шведами: в 1142, 1164, 1255, 1300 гг. Запись о первом из них, видимо, сделана со слов новгородских купцов, которые рассказали летописцу фантастическую историю о том, как на три ладьи, возвращавшихся в Новгород из-за моря, напали 60 шведских шнеков, с «князем и епископами»¹⁰. Это первое сообщение, в котором говорится об участии со стороны шведов князя и высших иерархов церкви. Второе и последнее их участие отмечается в описании Невской битвы. Неясно, как удалось мирным новгородским купцам без потерь со своей стороны нанести сокрушительное поражение двадцатикратно превосходящим силам противника. Видимо, это был разбой с целью грабежа, жертвами которого стали шведы, представленный новгородскими купцами в целях самооправдания как самооборона. К примеру, С.М. Соловьев называет эти события обычным для того времени случаем морского пиратства [8, с. 694, прим. 307].

Следует отметить, что на протяжении XIII–XIV вв. все попытки шведов по созданию форпостов на восточном берегу Балтики (кроме основания Выборга) провалились в силу того, что им не удалось наладить снабжение заморских гарнизонов. Именно поэтому потерпела неудачу шведская экспансия в Ливонии в 1220 г. С теми же проблемами шведы столкнулись, когда, основав замок Выборг (1293 г.) в устье Вуоксы, ставший, по сообщениям Хроники Эрика, «преградой, сдерживающей язычников», попытались установить контроль и над истоком Вуоксы, захватив карельское поселение Кексгольм (Приозерск) [6, с. 112]. Но обеспечить снабжение гарнизона припасами они не смогли. Гарнизон был осажден карелами. Не получив помощи и страдая от голода, шведы на шестой день осады вышли на бой, в ходе которого все погибли, кроме двух, которым удалось спастись [6, с. 112].

В качестве доказательства того, что Швеция в XIII–XIV вв. не могла захватывать и удерживать территории, удаленные от ее границ, еще раз вернемся к неудачной попытке шведов укрепиться в устье Невы в 1300 г. Подробный рассказ об этих событиях содержится в Хронике Эрика. Для строительства крепости шведы снарядили флот, «какого никогда не видывали». Он доставил к месту строительства 1100 человек [6, с. 114]. Исходя из этой цифры, можно предположить, какие силы могли выставить шведы за полвека до этого для реализации приписанных им летописцем замыслам по покорению нов-

¹⁰ Въ то же лѣто приходи Свьискеи князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже изаморья шли въ 3 лодьяхъ; и бишася, не успеша ничтоже, и отлучиша ихъ 3 лодье, избиша ихъ полтораста [1, л. 22 об.–23].

городской земли. Если флот, доставивший к берегам Невы тысячу с небольшим человек, удивил автора хроники своим невиданным размером, то сколько же человек могло участвовать в походе, о котором шведские хроники не сообщают? Ведь очевидно, что для реализации такой амбициозной и трудновыполнимой задачи, как захват Новгородской земли, необходимо значительно больше сил, чем для строительства одной крепости.

Согласно Хронике Эрика, не встречая никакого отпора, шведы приступили к строительству крепости, а их передовой отряд беспрепятственно прошел всю Неву и высадился на острове Ореховый, выполняя функцию передового дозора. По завершении строительных работ в крепости, получившей гордое имя Ландскрона («Венец земли»), которое должно было символизировать ее мощь и стратегическое значение, был оставлен гарнизон в 300 человек, из которых 200 были воинами, а остальные — хозяйственными работниками [6, с. 117]. Вскоре из-за недостатка продовольствия в гарнизоне началась цинга. Воспользовавшись удачным моментом, на крепость напали новгородцы. К тому времени в гарнизоне крепости боеспособными оставались всего 16 человек [6, с. 118]. Благодаря подавляющему численному превосходству, атакующие беспрепятственно подожгли крепость. Ее защитники были вынуждены покинуть стены и укрыться в погребе, где в последующей схватке были перебиты или пленены [6, с. 118].

В новгородской интерпретации этих событий после окончания строительства «города над Невой в устье реки Охты твердости несказанной» для обороны крепости был оставлен гарнизон «мужей нарочитых с воеводой Стенем»¹¹. Бездействие новгородцев, не предпринявших никаких усилий, чтобы помешать шведам завершить строительство, летописец объясняет отсутствием в городе князя [1, л. 152 об.–153]. Очевидно, что это не более чем отговорка, ведь призвать князя и напасть на врага новгородцы могли быстрее, чем шведы успели бы завершить возведение укреплений, которые стали бы неприступной твердыней, учитывая тот факт, что до этого русским дружинам не удалось овладеть ни одним замком, возведенным европейцами в Прибалтике. Следовательно, новгородцы не проявляли активности по причине того, что не видели в предприятии шведов никакой угрозы для себя. И только на следующий год (1301) великий князь Андрей Александрович с владимирскими полками и новгородцами без осады за один день овладел крепостью, разграбив и уничтожив ее [1, л. 152 об.–153]. О том, что в Ландскроне не осталось

¹¹ Возможно, в описании Невской битвы летописец перепутал имя новгородского владыки середины XIII в. с именем шведского воеводы в Ландскроне. Так воевода Стен, павший в Ландскроне, стал воеводой Спиридоном, погибшим в Невской битве.

защитников, способных оказать сопротивление превосходящим силам противника, новгородский летописец умалчивает, не сообщая никаких подробностей о том, как нападавшим удалось так легко овладеть «городом крепости несказанной».

Итак, шведы потерпели сокрушительное поражение под Изборском в 1164 г. В 1220 г. были разбиты эстами в Ливонии, в 1298 г. — карелами в Приозерске. В 1301 г. потеряли Ландскрону, что, безусловно, было для королевства большой потерей как в моральном, так и в материальном плане. Таким образом, в течение полутора веков Швеция не имела возможности вести наступательные действия за своими пределами. Даже через полвека после Невской битвы, когда внутривосточное положение Швеции стало стабильным и ее военная мощь значительно выросла, у Швеции не хватило сил на то, чтобы удержать с такими усилиями возведенную Ландскрону. Более того, шведы смирились с утратой своего форпоста и последующие 300 лет не предпринимали попыток закрепиться в устье Невы, довольствуясь тем, что им удалось отстоять Выборг. Спрашивается, о каких планах шведов по захвату новгородских владений в 1240 г. могла идти речь?

Вообще сообщение НПЛ о целях похода шведов в рассказе о Невской битве уникально. Во всех других случаях о целях и планах врагов летописец не сообщает, возможно, в силу их очевидности, или, наоборот, невозможности рационального обоснования. К примеру, не указывает он на причины нападения на Ладогу в 1164 г., или о том, с какой целью шведы построили крепость Ландскрону, и т. д. Более того, в летописи не сказано даже о планах самих новгородцев, лишь лаконично описаны события в рамках смыслового континуума «пошли — вернулись». Например: «Того же лета ходили новгородцы с Елеферьем Сбыславичем и с Довмонтом с псковичами на Литву, и много их повоевав, и вернулись все здоровы» [1, л. 143].

Исключение, сделанное летописцем в описании Невской битвы, приписавшим шведам агрессивные замыслы по захвату ни много ни мало, а всей Новгородской земли, выдает его истинную цель — оправдать не обусловленное военной угрозой нападение на шведский лагерь, настоящим мотивом которого были личные амбиции Александра Ярославича и стремление захватить добычу. Причем нападение, судя по контексту источников, неудачное.

Об отсутствии у шведов воинственных намерений свидетельствует необъяснимая пассивность несостоявшихся завоевателей. С точки зрения прагматики бездействие для нападающей стороны губительно, ибо означает потерю инициативы и невозможность реализовать фактор внезапности, который является одним из важнейших слагаемых достижения военной победы. Воспользовавшись промедлением противника, новгородцы могли подготовить Ладогу к осаде и

получить помощь от своих союзников, обеспечив значительное численное превосходство над шведами, которым неоткуда было ожидать подкрепления. Таким образом, если целью шведов был захват всей Новгородской земли, то им следовало без малейшего промедления нападать на Ладогу и попытаться овладеть ею внезапным штурмом. После этого им был бы открыт путь на Новгород, а каменная ладожская крепость служила бы в качестве надежного тыла, без которого проведение военных операций в глубине новгородских владений было невозможно.

Очевидно, что и летописцу было понятно, что стоянка шведов на ничейной территории не может быть интерпретирована как акт агрессии с целью захвата. Поэтому в его рассказе возникает логическое противоречие. Утверждая, что шведы встали в Неве, он далее сообщает: «пришла весть в Новгород о том, что свеи идут к Ладоге». При этом летопись не поясняет, почему в Новгороде решили, что шведы пришли с враждебными намерениями и собираются двигаться вверх по Неве в Ладожское озеро и почему они не реализуют свои планы, а продолжают стоять на месте в течение нескольких дней. Таким образом, утверждение НПЛ о том, что «свеи идут к Ладоге» — ложно, потому что противоречит фактам: шведы не только не продвигаются в глубь Новгородской земли, но и, очевидно, даже не собираются этого делать, особенно если принять во внимание Житие, из которого следует, что шведы даже установили в своем лагере шатры, т. е. расположились надолго. В связи с этим возникает закономерный вопрос: чем же они занимались те несколько дней, которые понадобились для того, чтобы в Новгород пришла весть об их появлении и Александр подошел к шведскому стану? Не говоря уже о том, что длительная стоянка не только противоречила приписываемым шведам целям, но и была невозможна: большое войско необходимо обеспечить пропитанием, что до изобретения консервов осуществлялось грабежом окрестных поселений. Но эти места тогда были малонаселенными настолько, что через 60 лет шведам не удалось обеспечить продовольствием гарнизон Ландскроны из трехсот человек.

Это стало камнем преткновения отечественной историографии. Она предлагает различные гипотезы, объясняющие иррациональное поведение противника, но ни одна из них не выглядит убедительной, поскольку рационального объяснения его в рамках постулата об агрессивных намерениях шведов нет. Например, Н.И. Костомаров высказывает предположение, что шведы встали на «роздых». Далее «они намеревались плыть через озеро и достигнуть Ладоги врасплох; прежде всего, следовало взять этот новгородский пригород, а потом вступить в Волхов и идти на Великий Новгород» [12, с. 80]. Однако данная гипотеза не объясняет, почему шведы вместо кратковременного «роздыха» остановились так надолго, что в Новгороде успели узнать о них, выступить навстречу и нанести упреждающий удар до того, как враг двинулся к Ладоге. Учитывая расстояние от устья

Невы до Новгорода, которое надо было преодолеть сначала с вестью о появлении врага, потом с войском для нападения на него, получается, что шведы простояли без движения около недели.

По мнению В.Н. Татищева, шведы были заняты тем, что «пленили» ижору и воть [13, т. 5, с. 30]. Но эта гипотеза не объясняет, почему летописец указывает целью шведского вторжения захват Новгородской земли, в то время как имел место обычный военный набег, цель которого не территориальная экспансия, а грабеж и захват пленных.

Высказывались предположения, что шведы дожидались подхода подкрепления. Но такая версия кажется малоубедительной, так как назначить место сбора на глазах у врага означает потерять фактор внезапности со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Более вероятно, что шведы вообще не преследовали враждебных целей, и это было не большое скандинавское войско, а купеческий караван, который встал лагерем, чтобы вести торговлю с местными жителями. В пользу этой гипотезы выступает предположение о том, что в этом месте в XIII в. располагалось ижорское поселение. Таким образом, следует признать, что длительная стоянка шведов на Неве противоречит утверждению летописца не только о том, что они идут на Ладогу, но и об их далеко идущих захватнических планах.

Далее летопись сообщает о предпринятом без промедления нападении князя Александра с новгородцами и ладожанами на «свеев». Согласно летописному свидетельству, сражение заканчивается победой дружины Александра Ярославича. В схватке гибнут шведский воевода Спиридон и, возможно, епископ, а также множество простых воинов. Шведы часть своих убитых складывают на два шнека, остальных передают земле и, не дожидаясь рассвета, беспрепятственно покидают место битвы. Из чего следует, что поле боя осталось за шведами, а это, согласно неписаным законам войны, означает, что они вышли победителями в схватке с новгородцами. Если бы в их планы действительно входил захват Новгородской земли, то после этой стычки с новгородцами они должны были продолжить свой путь на Ладогу. Судя по результатам Невской битвы, войско Александра не могло воспрепятствовать шведам в осуществлении этого замысла. Но победители вместо того, чтобы воспользоваться плодами своей победы, почему-то предпочитают отступить. Объяснить этот факт тем, что победа досталась им слишком высокой ценой, нельзя. Летописец, описывая битву, сам себе противоречит: с одной стороны, он утверждает о больших потерях шведов, с другой — говорит, что шведы хоронят своих павших после боя. Следовательно, живых и здоровых среди них было больше, чем раненых и погибших в ходе отражения нападения новгородцев.

Далее летописец сообщает о гибели в бою то ли двадцати новгородцев и ладожан, то ли менее, объясняя приблизительность подсчета павших сакраментальным «бог весть». Но тут же в очередной раз

себе противоречит, завершая свой рассказ утверждением о том, что «князь же Александр с новгородцами и с ладожанами вернулись все здравы, сохраненные богом и святою Софьею и молитвами всех святых» [1, л. 127]. При этом даже гибель такого незначительного количества воинов сделала новгородское войско небоеспособным, и оно было вынуждено прекратить битву, оставив поле боя.

Ошибки и противоречия летописного свидетельства о Невской битве настолько очевидны, что их попытался устранить автор Жития Александра Невского, хотя жанр агиографической литературы не подразумевает строгую фактографическую точность в описании событий.

Главное отличие агиографической версии от летописной в том, что Житие называет противника не «свяеми», а «римлянами». Соответственно, предводитель врагов — не шведский воевода с скандинавским именем Спиридон, а «король части Римской от полунощной страны». Эта метафора автора Жития указывает на то, что его рассказ имеет дидактический характер и не претендует на точность изложения исторических фактов. Не исключено, что автор Жития присваивает летописным «свеям» мифологическое имя «римлян» потому, что у него вызывает сомнение достоверность изложенной в НПЛ версии о том, что большое войско скандинавов собиралось покорить Новгород. Цель вторжения «римлян» Житие объясняет стремлением «римского короля» «пленить землю Александрову» [2, л. 168 об.]. Если понимать Житие буквально, то целью нападения была не Новгородская земля, а Переславль-Залесский, который был уделом Александра Ярославича. В Новгороде он был только приглашенным на кормление князем, но не полновластным господином.

При этом, в отличие от летописи, в Житии не говорится ни о гибели епископа, ни вообще о присутствии церковных иерархов («пискунов») в составе шведского войска, что совершенно нехарактерно для агиографического жанра. Таким образом, Житие не подтверждает распространенный в отечественной историографии миф о том, что шведское нападение имело характер крестового похода и одной из его целей было навязывание католичества, которое якобы грозило национальной идентичности¹².

Кроме не названного по имени воеводы в тексте Жития появляются еще король и королевич¹³. Летописный Спиридон перестает

¹² По словам митрополита Кирилла на телевизионном проекте «Имя России», Александр Невский «...боролся за национальную идентичность, за национальное самопонимание. Без него бы не было России, не было русских, не было нашего цивилизационного кода» [14].

¹³ Надо отметить, что не совсем ясно, идет ли речь в Житии о двух разных лицах, или «королевич», вслед за которым верхом на коне неудачно пытается «взвехать по доске на корабль» Гаврило Олексич, и король («королеви»), которому Александр «возложил печать на лице острым копьем своим», — один и тот же человек, ранее названный как «король римской области».

быть вражеским воеводой и оказывается новгородским архиепископом. О планах захватчиков, которые по летописи непонятным образом стали известны в Новгороде, по Житию сообщают сразу два источника: послы от вражеского предводителя («короля») и ижорская стража Пелгусия. Такое дублирование объясняется тем, что автору Жития понятно: на основании сообщения Пелгусия о разбитом врагами лагере на берегу Невы еще нельзя сделать вывод об их замысле захватить Ладогу или Новгород.

Версия Жития про посольство, призванная объяснить то, как в Новгороде стало известно о планах «короля», не выдерживает критики. Новгородская летопись не упоминает ни одного посольства по поводу объявления войны. Очевидно, такой традиции не существовало. К тому же, поступая столь по-рыцарски, «римляне» ставили себя в невыгодное положение, теряя фактор внезапности и обрекая себя на заведомое поражение. Единственной выигрышной стратегией было внезапное нападение на Ладогу, которое могло бы позволить захватить эту крепость с ходу. Если бы эта попытка не удалась, то захватчиков ожидало бы повторение событий 1164 г.

Именно потому, что действия вражеского предводителя, заранее раскрывшего свои планы противнику, не поддаются рациональному объяснению, автор Жития заявляет, что он пребывал в «безумии». Действительно, только безумный мог объявить войну и не начать ее, а, наоборот, подставить себя под удар противника, беспечно дожидаясь его нападения.

Возможно, что рассказ Жития об ижорском старшине Пелгусии, который обнаружил врагов и сообщил о них Александру, должен был компенсировать слабость версии о посольстве «римлян». Из текста Жития непонятно, когда Александр получил информацию от ижорского старейшины. Сначала Житие сообщает о прибытии шведских посольств, после чего, отслужив молебен в Софийском соборе, Александр силами одной «малой дружины» выдвигается навстречу врагу, а затем уже следует рассказ о беседе Александра с Пелгусием. Следовательно, их встреча произошла где-то по пути к месту сражения, что лишний раз свидетельствует о необъяснимой беспечности шведов, которые не обращают никакого внимания на активность вражеских лазутчиков вокруг их стоянки. Получается, что шведы, вопреки здравому смыслу, находясь на вражеской территории, даже не выставили выше по реке Неве дозор (как, к примеру, они сделали, когда приступили к строительству Ландскроны), который позволил бы наблюдать за движением со стороны противника и заблаговременно предупредить о приближении врага.

В рассказе о силах, с которыми Александр двинулся навстречу врагу, летопись и Житие противоречат друг другу. Летописное сви-

детельство не уточняет размер сил Александра, но из него следует, что он выступил из Новгорода не только с княжеской дружиной, но и с новгородцами, а по пути к ним присоединились и ладожане, т. е. с полноценным войском большей части Новгородской земли. Житие повествует о том, что Александр двинулся в поход без новгородцев и ладожан, «уповая на Святую Троицу» [2, л. 169].

Более того, оно указывает, что Александр не поставил в известность о походе на Неву не только новгородское вече, без разрешения которого он не мог использовать новгородское ополчение, но и своего отца Ярослава Всеволодовича, интересы которого представлял в Новгороде.

Возникает вопрос, почему Александр пошел на такой неоправданный риск, нападая малыми силами на превосходящие силы врага в месте, где в случае поражения он не мог рассчитывать на помощь? Опыт предыдущей попытки шведов взять Ладогу свидетельствовал, что наиболее эффективный способ отражения нападения — измотать противника в ходе осады, а потом уже, получив подмогу, перейти в наступление. Вместо того чтобы принять бой с врагом под прикрытием неприступных каменных стен новгородского форпоста, Александр решается на авантюру напасть на врага в месте их стоянки, рискуя в случае поражения открыть шведам путь на Новгород, который остался бы без защиты. Объяснить логику действий Александра можно, если предположить, что им двигали мотивы, о которых умалчивает Житие: личные амбиции, корыстные интересы.

Таким образом, устранив ошибки летописного свидетельства, Житие воспроизводит другие несоответствия. Один из сюжетов Жития — поединок князя с «римским королем» — заимствован из Сказания о Довмонте [15].

Очевидная неточность версии Жития — это указание на то, что сражение началось ранним утром, в «шесть часов дня». Поскольку из летописи следует, что сражение длилось до ночи («в ту же ночь, не дожидаясь рассвета, посрамленные ушли»), то это означает, что Невская битва продолжалась весь день. А если противники сражались с раннего утра до позднего вечера, то это означает следующее: Александру не удалось реализовать фактор внезапности или силы сторон были равны, т. е. шведов было не намного больше, чем новгородцев. Действительно, реализовать преимущества внезапного нападения и нанести поражение во много раз превосходящим силам шведов воины Александра могли при одном условии — шведы в панике бежали после начала атаки русских на их лагерь. Только при таком развитии событий небольшой отряд Александра с минимальными потерями мог разгромить значительно превосходящее по численности вражеское войско. На том, что шведское войско превосходило по численности

дружину Александра, настаивает и НПЛ («в силе великой»), и Житие («собрав силу великую, наполнил многие корабли»). Однако шведы, согласно летописи, покинули поле боя только вечером, предварительно похоронив павших, следовательно, они не побежали и поле битвы осталось за ними. Тогда картина боя должна быть такая: после некоторого замешательства, вызванного неожиданным нападением, шведы должны были реализовать преимущества их подавляющего численного превосходства над русской дружиной. В этом случае есть только два варианта дальнейшего развития событий: или нападавшие обращаются в бегство, или героически гибнут на поле боя.

Также указание на то, что сражение началось на рассвете («в шестом часу дня»), подразумевает, что дружина Александра совершила ночной марш, чтобы незаметно приблизиться к вражескому лагерю, ведь именно на этом, как утверждает отечественная историография, и основывался его план: «Внезапность нападения на шведский лагерь была важнейшим условием успеха русского войска» [16, с. 21].

О том, что нападение новгородцев на вражеский лагерь было внезапным, источники не сообщают. Более того, незаметно приблизиться к месту шведской стоянки было физически невозможно. Учитывая тот факт, что от устья Ижоры прекрасный обзор на много километров вверх по течению Невы, ладьи новгородцев были бы замечены издали. Поэтому Г.Н. Караев предположил, что русские суда, чтобы остаться незамеченными, вошли в реку Тосну, впадающую в Неву выше устья Ижоры, и прошли вверх до места ее сближения с Большой Ижоркой (притоком Ижоры). От этого места, двигаясь по суше, новгородцы дошли до Большой Ижорки и спустились вдоль ее берега к месту ее впадения в Ижору. Таким образом, новгородцам удалось неожиданно напасть на шведский лагерь с суши, откуда противник их не ожидал [17, с. 115–117, 125–127].

Вызывает сомнение, что передвижение значительной группы вооруженных людей по незнакомой лесистой и болотистой местности могло остаться незамеченным: шум, поднятый испуганными птицами, и звон оружия в предрассветном тумане разносятся на большое расстояние. К тому же в июле в этих местах сезон белых ночей, так что темнота не стала бы укрытием для нападавших. А самое главное, что данная гипотеза исходит из предположения о том, что шведы расположили свой лагерь на правом берегу Ижоры. На большинстве схем, изображающих Невскую битву, Ижора изображена за спиной у шведов [18, л. 4]. Но в действительности шведский лагерь должен был расположиться на противоположном берегу реки: выгоднее, чтобы водная преграда, отделяющая от врага, находилась не за спиной, а спереди, выступая дополнительным препятствием на его пути. В этом случае для внезапного нападения на шведский лагерь Александру надо было бы еще форсировать и водную преграду. Очень сомнительно, чтобы

после утомительного ночного марша по труднопроходимой местности, которому предшествовал длительный переход к месту высадки, у новгородцев остались бы силы для нападения на хорошо отдохнувшего и полного сил численно превосходящего врага.

Слабость версии неожиданного нападения и многочасового сражения от рассвета до заката заставила выдвигать другие гипотезы о времени начала битвы. Так, Н.И. Костомаров предполагает, что сражение началось «часов в одиннадцать утра», когда «новгородцы неожиданно появились перед шведским лагерем, бросились на неприятелей и начали их рубить топорами и мечами, прежде чем те успели брать оружие» [13, с. 80]. Более логичная версия о времени начала сражения в отечественной литературе была высказана в книге для детей А.В. Митяева, который предположил, что сражение началось ближе к вечеру, «в три или четыре часа дня» [19, с. 33]. Н.М. Карамзин, описывая Невскую битву, вообще не упоминает о временных рамках сражения, говоря о том, что «темная ночь спасла остатки шведов», упуская из виду, что в это время был сезон белых ночей [9, т. IV, с. 27].

Житие не сообщает, когда закончилась битва. Но, в отличие от летописи, по которой шведы ушли «в ту же ночь, не дожидаясь рассвета», предварительно собрав и предав земле погибших в бою воинов, по Житию враги не хоронят павших на берегу, а «трупы мертвых своих сложили на корабль и потопили корабль в море» [2, л. 169 об.].

Однако эта версия окончания битвы вызывает сомнения, поскольку «в скандинавских источниках нет упоминаний о существовании обряда похорон на кораблях в море» [11, с. 314]. Кроме того, тот факт, что тела погибших уместились на одном шнеке, свидетельствует о небольших потерях скандинавов в битве — не более 100 человек.

Нелепо выглядит версия Жития о том, что «римляне» расположили лагерь на двух берегах Ижоры. И тем более, что «многое множество» из тех, кто был на другом берегу и поэтому не мог участвовать в сражении с новгородцами, погиб от рук «ангела небесного» [2, л. 169 об.].

Пытаясь придать описанию сражения с «римлянами» видимость достоверности, автор Жития, ссылаясь на участников сечи и самого князя, живописует подвиги шести «мужей храбрых». Но этот рассказ больше соответствует художественному вымыслу, чем документальному свидетельству. Первым из них Житие называет Гаврила Олексича, который производит впечатление больше былинного богатыря, чем реального человека. Он не утонул под тяжестью доспехов, упав в воду при попытке въехать на корабль. Гаврилу не придавила его лошадь, как это часто бывает в таких случаях, и он не был убит врагами, которые почему-то не воспользовались его беспомощностью в момент падения в воду. Он не только целым и невредимым выходит из воды, но и, каким-то образом пробившись через все вражеское войско к центру схватки, вступает в поединок со шведским воеводой.

Второй герой, Миша, со своим отрядом изловчился уничтожить («погубить») три шведских корабля — видимо, автор Жития представлял это так: зайдя в воду, новгородцы рубят борта шнеков топорами, а «римляне», скованные страхом, безучастно за этим наблюдают, не предпринимая никаких действия для своего спасения. Третий, по имени Сава, вместо того чтобы сражаться с врагами, забрался в королевский шатер и подрубил столб, на котором он стоял. Шатер, разумеется, должен был упасть прямо на голову героя. Остался ли он лежать под ним до окончания боя или продолжил свои начинания, Житие не сообщает. Про оставшихся трех героев автор Жития, видимо исчерпав запасы фантазии, ограничился скупой констатацией, что один (Сбыслав Янукович) «не имея страха в душе своей» бился топором, другой (Яков) «с мечом», а последний (Ратмер) сражался пешим и пал «от многих ран» [2, л. 169 об.].

Как и летопись, Житие не объясняет, почему новгородцы, не довершив разгром врага, окончили сражение и покинули место битвы. Таким образом, на основании сообщения Жития тоже нельзя сделать вывод о победе в этом сражении Александра Ярославича.

Традиционно отечественная историография оценивает значение Невской битвы тем, что были сохранены «целостность страны и свободный выход к Балтике» [20, с. 29]. Зарубежная историческая наука скептически относится к сложившейся у нас традиции описания Невской битвы. К примеру, Д.Г. Линд отмечает: «Мы не можем, однако, признать, что битва на реке Неве действительно имела такое значение, какое ей традиционно приписывает русская историография», и указывает на «удивительные несоответствия в оценке характера и роли Невской битвы в шведской и русской историографии» [5, с. 44]. «Из общего анализа русских источников о битве кажется, что шведская кампания и битва на Неве были раздуты. В действительности, возможно, имело место не более чем нападение небольшого отряда, даже меньшее, чем нападение в 1164 г. на Ладогу, описанное детально в новгородских летописях, а с 1330 г. оно выросло в событие национального значения, затмевающее собою даже Ледовое побоище» [5, с. 48].

Что же на самом деле могло произойти на берегах Невы? Стремление Александра нападать только силами своей княжеской дружины, не привлекая новгородцев, и необъяснимая пассивность «захватчиков» могут означать, что нападению подверглось не вражеское войско, а скандинавские купцы, ведущие торговые дела с ижорами. Это объяснило бы и то, почему шведы, вместо того чтобы продолжать свой поход, так долго простояли на одном месте и, не опасаясь нападения, высадились на берег.

В этом случае то, что Александр выступил против шведов только силами княжеской дружины, обусловлено прагматическим стремле-

нием оставить себе захваченную в этом предприятии добычу. В таком контексте становятся понятными действия новгородцев, которые сразу же после Невской битвы выгнали Александра с княжеского стола: мало того, что он присвоил себе всю добычу (если таковая и была захвачена), но и, самое главное, поставил под угрозу главный источник новгородского богатства — внешнюю торговлю. В таких условиях сместить князя, совершившего самовольный разбой над заморскими купцами, — это самое малое, что мог сделать Новгород для восстановления своего доброго имени в глазах торговых партнеров.

Таким образом, события 1240 г. не были началом наступательного движения на Русь со стороны Запада, как это принято считать в отечественной историографии. Военные конфликты Новгорода, а затем и Московской Руси со шведами в течение XII–XVII вв. были обусловлены стремлением Швеции обеспечить свою безопасность от вторжений из-за Балтийского моря. Сама же Невская битва в свете анализа источников представляется событием скорее мифологическим, чем реальным. С большей вероятностью можно предположить, что в действительности имело место не отражение вражеского нашествия на Новгородскую землю, а разбойное нападение княжеской дружины на купеческий лагерь с целью грабежа. Это самоуправство Александра вызвало недовольство новгородцев, и он был вынужден покинуть Новгород «с матерью, женою и всем двором своим» [1, л. 128].

Если бы Александр действительно выступил как спаситель Новгородской земли от вражеского нашествия, как об этом говорят летопись и Житие, то у новгородцев не было никаких оснований отказываться от его услуг и провоцировать конфликт с его отцом Великим князем Владимирским Ярославом Всеволодовичем. Хотя не исключено, что изгнание Александра обусловлено не только его самовольными действиями против шведов, но и усилением антивладимирской партии, которая вынашивала планы освобождения от власти Ярослава Всеволодовича с помощью ливонцев, так же как это в то время сделали псковичи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Насонова А.Н., ред. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва, Ленинград, Изд-во Академии Наук СССР, 1950, 659 с.
- [2] Лаврентьевская летопись. *Полное собрание русских летописей*. В 43 т., т. 1. Москва, Изд-во Языка Русской Культуры, 2001, 496 с.
- [3] Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. *Новгородский исторический сборник*, вып. 9. Новгород, Новгород. ист.-архитектур. музей-заповедник, 1959, 252 с.
- [4] Ключевский В.О. *Древнерусские жития святых как исторический источник*. *Русская история*. Полный цикл лекций. В 5 т., т. 4. Москва, Изд-во АСТ, Харвест, 2002, 528 с.

- [5] Линд Д.Г. *Некоторые соображения о Невской битве и ее значении. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* Санкт-Петербург, Изд-во Дмитрий Буланин, 1995, 215 с.
- [6] Рыдзевская Е.А. *Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв.* Москва, Изд-во Наука, 1978, 240 с.
- [7] Шаскольский И.П. *Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в.* Ленинград, Изд-во Наука, 1987, 174 с.
- [8] Соловьев С.М. *Сочинения.* Москва, Изд-во Мысль, 1988–2000.
- [9] Карамзин Н.М. *История государства Российского. В 12 т.* Санкт-Петербург, 1816–1829.
- [10] Латвийский Г. *Хроника Ливонии.* Москва, Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, 1938, 296 с.
- [11] Матузова В.И., Назарова Е.Л. *Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г.* Москва, Изд-во Индрик, 2002, 450 с.
- [12] Костомаров Н.И. *Русская история в жизнеописании ее главных деятелей.* Москва, 1991, 616 с.
- [13] Татищев В.Н. *Собрание сочинений. В 8 т., т. 5.* Москва, Ленинград, 1962–1979, 344 с.
- [14] ТВ-шоу в поддержку А. Невского. *Имя Россия.* URL.: <http://www.nameofrussia.ru/video.html?id=3125> (дата обращения 30.02.2016).
- [15] Нестеренко А.Н. Время написания Жития Александра Невского. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 3. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-03-350>
- [16] Шаскольский И.П. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении. *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* Санкт-Петербург, Изд-во Дмитрий Буланин, 1995, 215 с.
- [17] Караев Г.Н., Потресов А.С. *Путем Александра Невского.* Москва, Изд-во «Молодая гвардия», 1970, 160 с.
- [18] Бескровный Л.Г. *Атлас карт и схем по русской военной истории.* Москва, Изд-во Нар. комиссариата вооруж. сил СССР, 1946, 7 с., 88 л. карт.
- [19] Митяев А.В. *Книга будущих адмиралов.* Москва, Изд-во «Молодая гвардия», 1986, 351 с.
- [20] Кирпичников А.Н. Невская битва 1240 года и ее тактические особенности. *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* Санкт-Петербург, Изд-во Дмитрий Буланин, 1995, 215 с.

Статья поступила в редакцию 27.04.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Нестеренко А.Н. Мифологемы Невской битвы. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 4. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-04-356>

Нестеренко Александр Николаевич — канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: rockwool@list.ru

Mythologemes of Battle of the Neva

© A.N. Nesterenko

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

Narrative description of the Battle of the Neva in the national historiography is based on sources that contain logical contradictions and allow factual inaccuracies. Analysis of these sources allows questioning the accuracy of the conventional interpretation of the Battle of the Neva. As a result the author comes to the conclusion that the Battle of the Neva is more myth than the historical fact.

Keywords: *Battle of the Neva, Alexander Nevskiy, The Life of Alexander Nevskiy, the First Novgorod Chronicle, Ancient Russia and Scandinavia in the XIII century, narrativ.*

REFERENCES

- [1] Nasonova A.N., ed. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshogo izvodov* [First Novgorod Chronicle of Senior and Junior Recension]. Moscow, Leningrad, USSR Akademiya Nauk Publ, 1950, 659 p.
- [2] Lavrentyevskaya letopis [Laurentian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. V 43 tomakh. Tom 1* [Complete Collection of Russian Chronicles. In 43 volumes. Vol. 1]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 2001, 496 p.
- [3] Begunov Yu.K. Zhitie Aleksandra Nevskogo v sostave Novgorodskoy 1-y i Sofiyaskoy 1-y letopisey [The Life of Alexander Nevskiy Included to the 1st Novgorod and the 1st Sofia Chronicles]. *Novgorod historical collection, iss. 9*. Novgorod, Novgorod Historical and Architectural Museum-Reserve Publ., 1959, 252 p.
- [4] Kluchevskiy V.O. Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik [Ancient Hagiographies as a Historical Source]. *Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy. V 5 tomakh. Tom 4* [Russian History. Complete cycle of lectures. In 5 volumes. Vol. 4]. Moscow, Harvest, ACT Publ., 2002, 528 p.
- [5] Lind D.G. Nekotorye soobrazheniya o Nevskoy bitve i ee znachenii. [Some considerations about the Battle of the Neva and its significance]. *Knyaz Aleksandr Nevskiy i ego epokha. Issledovaniya i materialy* [Prince Alexander Nevskiy and his epoch. Research and Materials]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1995, 215 p.
- [6] Rydzewskaya E.A. *Drevnyaya Rus i Skandinaviya IX–XIV vv.* [Ancient Rus and Scandinavia in the IX–XIV centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 240 p.
- [7] Shaskolskiy I.P. *Borba Rusi za sokhranenie vykhoda k Baltiyskomu moru v XIV v.* [The Struggle of Russia for the Preservation of Access to the Baltic Sea in the Fourteenth Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 174 p.
- [8] Solovyov S.M. *Sochineniya* [Oeuvre]. Moscow, Mysl Publ., 1988–2000.
- [9] Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V 12 tomakh* [The history of the Russian State. In 12 volumes]. St. Petersburg, 1816–1829.
- [10] Latviyskiy G. *Khronika Livonii* [The Chronicle of Henry of Livonia]. Moscow, Leningrad, USSR Akademiya Nauk Publ., 1938, 296 p.
- [11] Matuzova V.I., Nazarova E.L. *Krestonosy i Rus. Konets XII veka – 1270 g.* [Crusaders and Russia. The End of the XII Century – 1270]. Moscow, Indrik Publ., 2002, 450 p.

- [12] Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisanii ee glavnykh deyateley* [Russian History in Biographies of Its Main Figures]. Moscow, Mysl Publ., 1991, 616 p.
- [13] Tatishchev V. N. *Sobranie sochineniy. V 8 tomakh. Tom 5* [Oeuvre in 8 volumes. Vol. 5]. Moscow, Leningrad, 1962–1979, 344 p.
- [14] *TV shou v podderzhku A. Nevskogo. Imya Rossiya* [TV shows in support of Alexander Nevskiy. The Name Russia]. Available at: <http://www.nameofrussia.ru/video.html?id=3125> (accessed February 30, 2016).
- [15] Nesterenko A.N. *Gumanitarnyj vestnik — Humanities Bulletin*, 2016, no. 3. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-03-350>
- [16] Shaskolskiy I.P. *Nekotorye soobrazheniya o Nevskoy bitve i ee znachenii*. [Some Considerations about the Battle of the Neva and Its Significance]. *Knyaz Aleksandr Nevskiy i ego epokha. Issledovaniya i materialy* [Prince Alexander Nevskiy and His Epoch. Research and Materials]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1995, 215 p.
- [17] Karaev G. N., Potresov A.S. *Putem Aleksandra Nevskogo* [Following a Course of Alexander Nevskiy]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1970, 160 p.
- [18] Beskrovnyy L.G. *Atlas kart i skhem po russkoy voennoy istorii* [Chart and Diagram Atlas on Russian Military History]. Moscow, Narkomat komissariata vooruzhennykh sil USSR Publ., 1946.
- [19] Mityaev V.A. *Kniga budushchikh admiralov* [The Book of Future Admirals]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986, 351 p.
- [20] Kirpichnikov A.N. *Nevskaya bitva 1240 goda i ee takticheskie osobennosti* [Battle of the Neva in 1240 and its Tactical Features]. *Knyaz Aleksandr Nevskiy i ego epokha. Issledovaniya i materialy* [Prince Alexander Nevsky and His Epoch. Research and Materials]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1995, 215 p.

Nesterenko A.N., Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: rockwool@list.ru